DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005

С.Д. Салтанов

Роль общей исторической памяти в российско-северокорейском сближении (на примере мемориалов в Чхонджине и Раджине)

Аннотация. В статье исследуется роль общей исторической памяти как активного инструмента стратегического сближения России и КНДР в период с 2022 по 2025 г. На примере конкретных практик — содержания мемориалов в Чхонджине и Раджине, организации первого туристического поезда и синхронизации ритуалов с дипломатическими жестами — показывается, как нарратив о совместном прошлом используется для легитимации современного военно-политического и экономического партнёрства. Этот процесс анализируется через концепцию «мнемонической дипломатии», которая служит формированию новой политической идентичности альянса, выходящей за рамки ситуативной геополитической необходимости. Ключевой вывод работы заключается в выявлении двойственной и прагматичной функции общей памяти: она работает одновременно на внутреннюю консолидацию, создавая образ «братства по оружию» для мобилизации общественной поддержки внутри обеих стран, и служит мощным внешним сигналом единства перед лицом международного давления и санкций. Примечательно, что устойчивость этой конструкции обусловлена не унификацией исторических трактовок, а гибким сосуществованием различных, порой конкурирующих национальных нарративов. Общие памятники и ритуалы становятся нейтральной символической платформой, где каждая сторона может проецировать свою версию прошлого, не отказываясь от демонстрации единства в настоящем. Это превращает историческую память не в статичное наследие, а в адаптивный политический ресурс, позволяющий гармонизировать идеологические различия ради текущих стратегических интересов. Таким образом, прочность формируемого союза напрямую зависит от способности сторон поддерживать тонкий баланс между совместными символическими действиями и сохранением внутренних идеологических рамок, что определяет память как ключевой элемент современных отношений России и Северной Кореи.

Ключевые слова: Россия, КНДР, историческая память, мнемоническая дипломатия, места памяти, Чхонджин, Раджин.

Автор: Салтанов Станислав Дмитриевич. Ассистент департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10).
OCRID: 0009-0005-5145-8649. E-mail: saltanov.sd@dvfu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Салтанов С.Д. Роль общей исторической памяти в российско-северокорейском сближении (на примере мемориалов в Чхонджине и Раджине) // Корееведение. 2026. № 2 (15). С. 39—51.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005.

S. D. Saltanov

The role of common historical memory in the Russia-North Korea rapprochement (on the example of memorials in Chongjin and Rajin)

Abstract. This article examines the role of shared historical memory as an active tool for strategic rapprochement between Russia and the DPRK from 2022 to 2025. Using specific examples—the maintenance of memorials in Chongjin and Rajin, the organization of the first tourist train, and the synchronization of rituals with diplomatic gestures—it demonstrates how the narrative of a shared past is used to legitimize contemporary military-political and economic partnerships. This process is analyzed through the concept of "mnemonic diplomacy" which serves to shape a new political identity for the alliance that goes beyond situational geopolitical necessity. The key conclusion of the paper is the identification of the dual and pragmatic function of shared memory: it simultaneously promotes internal consolidation, creating an image of "brotherhood in arms" to mobilize public support within both countries, and serves as a powerful external signal of unity in the face of international pressure and sanctions. Remarkably, the stability of this construct is not based on the unification of historical interpretations, but on the flexible coexistence of different, sometimes competing, national narratives. Shared monuments and rituals become a neutral symbolic platform where each side can project its own version of the past without sacrificing unity in the present. This transforms historical memory not into a static legacy, but into an adaptive political resource, allowing for the harmonization of ideological differences for the sake of current strategic interests. Thus, the strength of the emerging alliance directly depends on the ability of the parties to maintain a delicate balance between joint symbolic actions and the preservation of internal ideological frameworks, making memory a key element in contemporary relations between Russia and North Korea.

Keywords: Russia, DPRK, historical memory, mnemonic diplomacy, sites of memory, Chongjin, Rajin.

Author: Saltanov S.D., Assistant Professor, Department of Psychology and Education, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Address: 690922, 10 Ayaks, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Krai). ORCID: 0009-0005-5145-8649. E-mail: saltanov.sd@dvfu.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citations: Saltanov S.D. Rol' obshchey istoricheskoy pamyati v rossiysko-severokoreyskom sblizhenii (na primere memorialov v Chkhondzhine i Radzhine) [The role of common historical memory in the Russia-North Korea rapprochement (on the example of memorials in Chonjin and Rajin)] // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 2 (15): 39—51. DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005.

Введение

В условиях трансформации глобальной системы международных отношений российско-северокорейские связи приобретают особую значимость как пример стратегического партнёрства в условиях западных санкций и региональной нестабильности. Подписание Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве в июне 2024 г. ознаменовало качественный скачок в отношениях РФ и КНДР, вернув их на уровень тесного сотрудничества, характерный для советско-корейского периода [Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерст-

ве]. Однако современное измерение этих связей не ограничивается прагматичными военно-экономическими интересами — важную роль играет и историческая память, формирующая идентичность взаимодействия двух стран.

Историческая память о вкладе Советского Союза в освобождение Кореи от японской оккупации в августе 1945 г. и последующей поддержке становления КНДР остается ключевым элементом взаимопонимания. Места захоронений советских воинов в Раджине и Чхонджине, где покоится прах сотен бойцов Красной Армии, служат материальным воплощением нашей общей истории, регулярно посещаются официальными делегациями и используются на официальных нарративах обеих сторон. В мае 2025 г. автор совершил поездку по этим мемориальным объектам, что позволило оценить состояние сохранности, ритуалы чествования павших воинов и роль данных мест в современной дипломатии.

Тема исторической памяти приобретает особую остроту в свете целенаправленных попыток западных стран и их союзников искажать события Второй мировой войны и последующего освобождения Азии от японского колониального господства. Москва и Пхеньян последовательно отстаивают историческую правду о роли СССР в победе над фашизмом и освобождении Кореи от японского милитаризма, противодействуя попыткам Запада её искажать. Однако эта внешнеполитическая риторика вступает в сложное взаимодействие с внутренними историографическими традициями КНДР, где роль внешних сил в освобождении Кореи традиционно минимизируется. Возникает закономерный вопрос: как именно официальный нарратив о «советском освобождении» согласуется с северокорейской версией событий 1945 г. и позволяет ли это противоречие использовать общую память как действенный инструмент современного стратегического партнёрства? Мемориалы в Раджине и Чхонджине не только служат почитанию павших воинов, но и напоминают о братских связях наших стран, способствуя укреплению их сотрудничества в условиях информационного давления.

Особого упоминания заслуживает вклад северокорейских военных в освобождение Курской области. В ходе Специальной военной операции российские войска при поддержке северокорейских военных успешно завершили её освобождение от украинских формирований, вторгшихся туда в августе 2024 г. К настоящему времени контроль над территорией полностью восстановлен, что стало важным результатом совместных усилий [Завершена операция по освобождению Курской области от ВСУ]. Это сотрудничество показывает практическую пользу партнёрства РФ и КНДР для региональной стабильности, где общая историческая память дополняет текущие усилия.

Цель исследования — проанализировать роль исторической памяти о советско-корейском прошлом в укреплении российско-северокорейских отношений на фоне современных вызовов.

Теоретическая база исследования

Классическая теория международных отношений долгое время рассматривала историческую память как второстепенный, почти декоративный элемент на

фоне материальных факторов: баланса сил, экономических интересов или военного потенциала. Однако «конструктивистский поворот», инициированный работами Александра Вендта, радикально изменил этот подход. Вендт утверждал, что «анархия — это то, что государства делают из неё» [Wendt A, 1992, с. 391], подчёркивая, что структуры международной системы не даны объективно, а конструируются через практики, дискурсы и разделяемые смыслы. В этой парадигме идентичность государств — не строго фиксированный объект, а пластичный продукт социального взаимодействия. Именно здесь историческая память обретает статус ключевого политического ресурса, поскольку она предлагает набор нарративов, символов и уроков прошлого, через которые государства определяют «кто мы», «кто наши друзья и враги», «каковы наши законные интересы» и т. д.

Развивая конструктивистский подход, современные исследователи вводят понятие «мнемонической безопасности» [Севастьянова, 2018, с. 67], которое ставит контроль над прошлым в один ряд с традиционными приоритетами национальной безопасности. Угрозой здесь выступает не военное вторжение, а конкурирующие или враждебные исторические нарративы, которые могут подорвать легитимность власти, оспорить территориальную целостность или разрушить желаемый образ страны на мировой арене.

Таким образом, политика памяти становится инструментом внешнеполитической стратегии — целенаправленным конструированием образов прошлого для достижения конкретных целей в настоящем: легитимации союзов, оправдания экспансии или мобилизации населения вокруг образа общего врага.

Для формализации и конкретизации этих идей в исследованиях используют понятие так называемых мемориальных (мнемонических, культурных или символических) практик — конкретные материальные и ритуальные действия, с помощью которых память воплощается и воспроизводится [Ассман, 2014, с. 29]. К ним относится создание мемориалов, проведение юбилейных церемоний, подписание совместных исторических деклараций, выпуск учебников. Эти практики не просто отражают уже существующую общность, но активно её создают и закрепляют, предлагая участникам разделяемый эмоциональный и смысловой опыт. Особую значимость обретают «места памяти» — локации, где история «материализуется в камне», превращая абстрактный нарратив в осязаемое, обладающее сакральным смыслом место, которое можно посетить, поклониться ему или использовать как фон для политических жестов [Сабанчеев, 2020, с. 35].

Применительно к анализу российско-северокорейских отношений этот теоретический аппарат позволяет выйти за рамки упрощённых объяснений через геополитическую необходимость или экономический прагматизм. Он даёт ключ к пониманию того, как два государства, переживающие глубокую конфронтацию с Западом, активно реанимируют и перезагружают общий пласт истории середины XX в. Через совместные мнемонические практики — реставрацию старых и возведение новых памятников советско-корейскому братству по оружию — они не просто вспоминают прошлое, а конструируют особую реальность. В этой реальности их нынешнее сближение предстаёт не ситуативным тактическим альянсом, а закономерным продолжением многолетней дружбы, укоренённой в общей истории.

Таким образом, память становится не фоном, а активным действующим агентом в формировании политической идентичности и траектории двусторонних отношений.

Как уже отмечалось ранее, с 2022 г. российско-северокорейские отношения претерпели качественный скачок, когда историческая память перестала быть фоновым элементом и превратилась в один из центральных инструментов стратегического сближения. Если ранее мнемонические практики носили эпизодический и в основном дипломатический характер, то теперь они стали системными, публичными и нацеленными на консолидацию союза на уровне не только элит, но и общества. Этот процесс достиг своего формально-правового пика с подписанием Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, закрепившего взаимные обязательства, включая положение о военной помощи. В новом контексте общее прошлое было активно мобилизовано для легитимации беспрецедентного настоящего.

Ключевой чертой этого периода стала интенсификация и диверсификация культурных практик, которые стали связывать исторические нарративы с конкретными экономическими и инфраструктурными проектами. Ярким примером стал запуск в мае 2025 г. приуроченного к 80-летию Победы первого туристического поезда в КНДР по маршруту Владивосток—Раджин [Из России в КНДР отправился].

Мероприятие сочетало посещение мемориалов советским воинам с развитием логистики, расширяя круг участников политики памяти за счёт простых граждан. Аналогично международный марш дружбы «Катюша» в Расоне в октябре 2025 г. транслировал образ братства через формат массового спортивно-туристического мероприятия, создавая новый канал «народной дипломатии» [Жители Приморья и еще 21 региона России].

Наиболее показательными стали примеры появления исторических символов в военной сфере, что демонстрирует глубину формируемой солидарности. В 2025 г. на совместных учениях солдаты КНДР исполнили на корейском языке легендарную советскую песню «Катюша» [Появилось видео с воинами КНДР].

Эта деталь символизирует переход от внешней коллективной памяти к усвоению общего прошлого как части собственной идентичности и боевого духа: создание новых «мест памяти», таких как памятник в Курске и закладка мемориального музея в Пхеньяне [В Курской области появится памятник военным из КНДР. Ким Чен Ын провел церемонию закладки мемориала], закрепляют нарратив о современном «братстве по оружию», рожденном уже в ходе Специальной военной операции.

Наиболее ярко этот нарратив проявляется в том, как историческая победа 1945 г. проецируется на события 2025 г. в Курской области. Например, в заявлении Центрального военного комитета ТПК от 28 апреля 2025 г., распространённом через ЦТАК, было официально подтверждено участие северокорейских войск в операции по освобождению Курской области. В документе подчёркивалось, что решение о вступлении в войну было принято Ким Чен Ыном на основании ст. 4 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, а сами подвиги названы «немеркнущими подвигами, вписывающимися золотыми буквами в ис-

торию развития корейско-российских отношений» [조선로동당]. Эта риторика, где термин «освобождение» применяется и к событиям Второй мировой войны, и к Специальной военной операции, создаёт устойчивую смысловую связь между прошлым и настоящим, превращая исторический прецедент в моральное обоснование текущего военного сотрудничества.

Процесс интеграции символов показывает, как совместно воспроизводимые исторические образы формируют общее смысловое поле, вытесняя представление об альянсе как о временном прагматическом союзе. Включение общего прошлого в военную сферу, туристические проекты и инфраструктурные инициативы ведут к его превращению из искусственно созданной политической общности в естественную и неизменную реальность.

Таким образом, память работает на опережение, конструируя историческое обоснование для сегодняшнего и завтрашнего союза.

Эти конкретные практики наглядно реализуют несколько ключевых стратегических функций, которые систематизированы в таблице ниже. Они показывают, как память была конкретизирована для решения актуальных политических задач в условиях глубокой конфронтации обеих стран с коллективным Западом:

Таблица 1. **Функции и проявления политики памяти в отношениях РФ и КНДР (после 2022 г.)**[1]

Функция	Конкретные проявления
Легитимация военно-политического альянса	Создание нарратива о современном «братстве по оружию» (участие КНДР в СВО, договор 2024 г.)
Сакрализация пространства и экономических проектов	Привязка мнемонических практик (туристический поезд, марш «Катюша») к ключевым точкам сотрудничества (Раджин), что «освящает» инфраструктуру общей историей (проект «Хасан—Раджин», строительство автомобильного моста через р. Туманган)
Консолидация антизападного фронта и внутренняя мобилизация	Активное использование риторики общей борьбы против коллективного Запада для идеологического сплочения
Расширение социальной базы альянса	Вовлечение в мнемонические практики новых социальных групп (туристы, спортсмены, военные), что создает более широкую общественную поддержку сближения

Анализ мемориалов в Раджине и Чхонджине становится ключевым эмпирическим подтверждением выдвинутых ранее тезисов. Эти объекты — не статичное напоминание о прошлом, а активные инструменты современной политики, материализующие стратегический курс на сближение. Их географическое расположение, архитектурный замысел и сопровождающие практики напрямую связывают исторический нарратив о советском освобождении Кореи в 1945 г. с теку-

[1] Составлено автором.

щими и планируемыми инфраструктурными и экономическими проектами, создавая сакральную легитимность для партнёрства в настоящем.

Немаловажным будет отметить тот факт, что нарративы РФ и КНДР об освобождении Кореи в 1945 г. содержат фундаментальное расхождение. Российская (ранее советская) версия акцентирует внимание на решающей роли Красной Армии как освободительной силы. В то же время северокорейская официальная историография, следуя идеологии *чучхе*, минимизирует внешний фактор и делает акцент на руководящей роли Ким Ир Сена и партизанском движении как главной силе освобождения, а Красной Армии отводит роль сопутствующей силы, лишь помогающей Ким Ир Сену освобождать Корейский полуостров от Японии.

Однако именно этот контраст и делает современное мнемоническое сотрудничество РФ и КНДР не просто «вспоминанием прошлого», а сложным процессом переговоров о значении, характерным для конструктивистского подхода.

В рамках символической политики политика памяти понимается как публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование. Она представляет собой не противоположность, а специфический аспект «реальной» политики [Малинова, 2019, с. 288—289]. Следовательно, анализ ритуалов у мемориалов в Чхонджине и Раджине — это анализ поля символической борьбы за утверждение определенного, политически востребованного взгляда на общее прошлое и настоящее.

С точки зрения конструктивизма: память — это не статичный набор фактов, а гибкий инструмент, который можно адаптировать под текущие политические нужды. Вместо того чтобы пытаться унифицировать трактовки, стороны создают такие условия, где оба нарратива могут сосуществовать. Объектом почитания становится не единая интерпретация, а сам факт совместной жертвы и общей победы над Японией. Это позволяет каждой стороне проецировать на общие памятники свой собственный смысл, находя в них подтверждение своей версии истории, но при этом совместно участвуя в ритуале. Таким образом, мемориал в Чхонджине для российской делегации — это памятник советским бойцам, а для северокорейской — символ братской помощи в деле, которым руководил Ким Ир Сен.

С практической точки зрения это расхождение не ослабляет, а усиливает функциональность общей памяти как инструмента альянса. Оно превращает историю из фиксированного факта в гибкий ресурс. Общие церемонии у таких памятников позволяют избегать идеологических споров, фокусируясь на эмоционально объединяющих элементах: подвиге, жертвенности, победе над общим врагом. Это создаёт мощный эффект, где участники могут по-разному воспринимать детали, но сама история укрепляет их связь.

Поэтому посещение мемориалов в Раджине и Чхонджине официальными лицами и простыми гражданами двух стран — это не дань объективной истории, а акт подтверждения лояльности общему, хотя и по-разному понимаемому прошлому, что гораздо важнее единой трактовки. Он демонстрирует готовность отложить различия в интерпретации ради демонстрации единства в настоящем. Материальная форма этого акта служит нейтральной платформой, на которой

встречаются два национальных мифа, чтобы совместно обслуживать потребности современного стратегического партнёрства, доказывая, что политическая целесообразность настоящего способна гармонизировать исторические нарративы прошлого.

Полевые наблюдения (май 2025 г.)

Характер, масштаб и организация исторического первого рейса туристического поезда в КНДР в мае 2025 г. служат иллюстрацией того, как инфраструктурные и гуманитарные проекты становятся каналом для целенаправленной политики памяти. Уже сам факт отправления состава из Владивостока и его прибытия в приграничный Раджин, превращенный в публичный ритуал с участием высоких должностных лиц, достаточно показателен. Группу провожал лично губернатор Приморского края Олег Кожемяко, а по прибытии встречал генеральный консул России в Чхонджине Олег Кощеев, устроивший в честь туристов торжественный банкет, на котором присутствовали представители руководства г. Раджин и Свободной экономической зоны Расон.

Знаковым событием также стало то, что руководитель регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» в Приморском крае Э.И. Игнатова, участвовавшая в поездке, вручила Генеральному консульству России в Чхонджине лампаду с частицей Вечного огня, взятого с мемориала «Могила Неизвестного Солдата» в Москве [«Поезд Победы» в КНДР].

Этот акт можно рассматривать как практическую реализацию «мнемонической дипломатии», имеющую сакральный смысл: он физически и символически транслировал «огонь памяти» из геополитического центра России в ключевые точки её внешнеполитического присутствия.

Повсеместно — в отелях, ресторанах, на вокзалах — сотрудники принимающей стороны выходили встречать гостей аплодисментами и приветственными возгласами. Эта тщательно выверенная, безусловно организованная сверху, но от этого не менее впечатляющая реакция ясно демонстрировала, какой важный смысл руководство КНДР вкладывает в подобные гуманитарные жесты, превращая туристический визит в акт публичной демонстрации солидарности.

Непосредственный осмотр мемориалов советским воинам в Чхонджине и Раджине подтвердил их статус не как формальных или заброшенных объектов, а как активно используемых «живых мест памяти». Визуальный анализ выявил безупречное состояние памятников, свидетельствующее о системном уходе: свежая краска на ограждениях (на момент последнего визита автора в КНДР в 2015 г. ограждения отсутствовали, что говорит о целенаправленном благоустройстве и повышении статуса данных объектов за последнее десятилетие) и монументах, отсутствие следов разрушения или выцветания, чистая, выметенная территория без мусора и сорняков. Важным показательным элементом стали информационные таблички с параллельными текстами на русском и корейском языках, что подчеркивало адресованность послания двум аудиториям и создава-

ло общее смысловое поле. Эта материальная опрятность и ухоженность является не просто следствием хозяйственной деятельности, а прямым указанием на политическую волю, направленную на поддержание сакрального статуса этих мест.

Анализ подкреплялся полевыми наблюдениями за воспроизведением ритуалов прямо во время визита нашей делегации. Наши гиды не просто констатировали исторические факты, а встраивали их в актуальный политический нарратив. Особенно показательным стал момент, когда гид, отмечая значимость дат нашего пребывания, сообщил, что именно в эти дни, 9 мая 2025 г., председатель Государственного совета КНДР Ким Чен Ын лично посетил российское посольство в Пхеньяне, чтобы поздравить россиян с 80-летием Победы. Как сообщало Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), северокорейский лидер передал корзину цветов и заявил, что «Пхеньян всегда будет рядом с Москвой», подчеркивая, что дружба двух стран превратилась в «настоящие боевые товарищеские отношения» [Ким Чен Ын на 9 Мая пришел в посольство России с корзиной цветов].

Системный характер мнемонических практик подтверждается не только единичными, но и регулярными визитами, приуроченными к ключевым датам общей истории. Так, в августе 2025 г. в рамках празднования 80-летия освобождения Кореи от Японии члены посольства России в Пхеньяне и Генерального консульства в Чхонджине совершили официальные церемонии возложения цветов к памятникам Советской Армии в гг. Вонсан, Синыйджу, Ыйджу, Тонним и Чхонджин [로씨야대사관]. Эти визиты, подробно освещённые государственным информационным агентством Северной Кореи, демонстрируют, что уход за мемориалами и ритуалы, связанные с ними, являются не спонтанными акциями, а частью двустороннего дипломатического календаря. Публикация этих церемоний в официальной прессе КНДР выполняет двойную функцию: для внешней аудитории она служит сигналом о консолидации альянса, а для внутренней — подтверждает легитимность сотрудничества с Россией через апелляцию к историческому прошлому.

Анализ официальных сообщений ЦТАК и газеты «Нодон синмун» позволяет эмпирически подтвердить тезис о гибком сосуществовании нарративов и их прямой связи с современной геополитикой. Если в прошлые десятилетия риторика КНДР зачастую обходила роль СССР в освобождении Кореи, то в 2024—2025 гг. наблюдается адаптация северокорейского исторического нарратива под задачи текущего альянса.

Ярким свидетельством этого является речь Ким Чен Ына во время визита в Посольство РФ в Пхеньяне 9 мая 2025 г., о котором говорилось ранее. В своем выступлении, опубликованном в газете «Нодон синмун», лидер КНДР фактически интегрировал советскую победу в корейскую историографию, заявив: «Если бы не 9 мая — День Победы России, не было бы и 15 августа — Дня освобождения Кореи и других восточных стран... Мы никогда не должны забывать, что счастливы сегодня благодаря бесценной, самоотверженной борьбе России, спасшей мир» [경애하는 김정은동지께서]. Эта формула позволяет Пхеньяну, не отказываясь от догмы о руководящей роли Ким Ир Сена, официально признать ре-

шающий вклад СССР/России, создавая идеальную символическую платформу для единства.

Северокорейские официальные источники демонстрируют, как историческая память о 1945 г. напрямую увязывается с современной геополитикой. Бойцы ВС РФ в риторике КНДР названы «наследниками легендарного победоносного поколения», а участники СВО и операции в Курске — «борцами с неонацистскими оккупантами», что полностью повторяет российскую официальную терминологию [경애하는 김정은동지께서]. Это доказывает, что историческая память не просто «сосуществует», а активно перекодируется, превращаясь в идеологическое обоснование ст. 4 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве.

Заключение

Таким образом, полевые наблюдения в мае 2025 г. позволяют сделать вывод: мемориалы в Чхонджине и Раджине являются одним из связующих элементов в архитектуре российско-северокорейских отношений. Их физическое состояние — ухоженность, отсутствие признаков ветхости и наличие двуязычных описаний — доказывает, что они являются не статичными монументами, а активными площадками для различных практик солидарности.

Через их материальную форму, безупречное содержание и насыщение современным политическим смыслом в ходе ритуалов (включая специально организованные туристические визиты, синхронизированные с жестами высшего руководства) происходит постоянное «вплетение» общего прошлого в ткань настоящего. Этот процесс служит мощным инструментом легитимации углубляющегося военно-политического и экономического альянса перед лицом внешнего давления, превращая историческую память в активный ресурс современной государственной политики.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что историческая память в российско-северокорейских отношениях периода 2022—2025 гг. перестала быть фоновым нарративом и трансформировалась в активный, системный инструмент стратегической консолидации — мнемоническую дипломатию.

Анализ показал, что общая память выполняет двойную функцию: усиливает внутреннюю легитимацию сближения за счёт апелляции к образу «боевого братства» и одновременно служит внешним сигналом о консолидации альянса на фоне конфронтации с Западом. При этом параллельное сосуществование разных национальных историографий (о роли Красной Армии и Ким Ир Сена в событиях 1945 г.) не разрушает союз, а превращает память в гибкий ресурс, позволяющий сторонам по-разному интерпретировать общие символы, не отказываясь от совместных ритуалов.

Таким образом, при попытке сделать прогноз дальнейшего развитии событий необходимо отметить, что политика памяти имеет как потенциал, так и ограничения. При сохранении нынешней геополитической реальности можно ожидать дальнейшего наращивания мнемонических практик, их привязки к новым экономическим и военным проектам и углубления символической взаимозави-

симости двух государств. Однако зависимость этой политики от внешнего давления и внутренней идеологической конъюнктуры делает её инструментом скорее адаптивным, чем автономным: сценарий «параллельных нарративов» предполагает устойчивость общей памяти ровно до тех пор, пока совпадают стратегические интересы двух государств. Дальнейшая эволюция российско-северокорейского партнёрства будет зависеть от того, удастся ли сторонам и дальше балансировать между конструированием образа «естественного союза» и сохранением собственных версий прошлого для внутренней аудитории.

Библиографический список

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.

В Курской области появится памятник военным из КНДР // РИА Новости. 10.12.2025. URL: https://ria.ru/20251210/pamyatnik-2060997691.html?ysclid=mjvlgff0un748548717 (дата обращения: 22.12.2025).

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.06.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 21.12.2025).

Жители Приморья и еще 21 региона России прошли маршем дружбы в КНДР // Правительство Приморского края. 06.10.2025. URL: https://primorsky.ru/news/310803/?ysclid=mjvlbnxcvv343694467 (дата обращения: 22.12.2025).

Завершена операция по освобождению Курской области от ВСУ // Интерфакс. 06.04.2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1022900 (дата обращения: 22.12.2025).

Из России в КНДР отправился первый туристический поезд // РЖД. 09.05.2025. URL: https://dvzd.rzd.ru/ru/2205/page/104069?id=314079&ysclid=mjvl8rrtzi423407830 (дата обращения: 22.12.2025).

Ким Чен Ын на 9 Мая пришел в посольство России с корзиной цветов // РБК. 09.05.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/05/2025/681dcbae9a79475d4fb0de87?ysclid=mjwwvoaps1760685843 (дата обращения: 22.12.2025).

Ким Чен Ын провел церемонию закладки мемориала в честь подвигов в Курской области // Коммерсантъ. 24.10.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7258507?ysclid=m8b8d5eovk164377832 (дата обращения: 22.12.2025).

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285—312.

«Поезд Победы» в КНДР // Генеральное консульство Российской Федерации в Чхонджине. 11.05.2025. URL: https://chondjin.mid.ru/ru/general-consulate/press-centre/news/poezd_pobedy_v_kndr/ (дата обращения: 22.12.2025).

Появилось видео с воинами КНДР, поющими «Катюшу» // RG.RU. 01.05.2025. URL: https://rg.ru/2025/05/01/poiavilos-video-s-voinami-kndr-poiushchimi-katiushu.html?ysclid=mjvleizy5831551395 (дата обращения: 22.12.2025).

Сабанчеев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1(43). С. 33—38.

Севастьянова Я.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности / Я.В. Севастьянова, Д.В. Ефременко // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66—86. DOI 10.31249/poln/2020.02.03.

Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, No. 2. P. 391—425.

경애하는 김정은동지께서 우리 나라 주재 로씨야련방대사관을 축하방문하시여 하신 연설 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын нанёс поздравительный визит в посольство России в Пхеньяне и выступил с речью] // 로동신문. 10.05.2025. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNS0wNS0xMC0wNDFAMUAxOEBAMEAyNThA== (дата обращения: 19.06.2026.) (На кор.)

로씨야대사관 성원들 각지에 있는 쏘련군기념비들에 꽃송이 진정 [Сотрудники посольства РФ возложили цветы к памятникам советским воинам в разных местах] // 조선중앙통신. 19.08.2025. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/64e900f5bd0353837ca02d7babcce3adb3ba96d1617baa 6a8b5227b8a58c0f696a47505ba5268fd7749c0fe11e4b24b4.kcmsf (дата обращения: 19.06.2026). (На кор.)

국무력전투구분대들을 높이 평가 로씨야련방의 꾸르스크지역해방작전에 참전하여 영웅적위훈을 세운 조선민주주의인민공화 [ЦВК ТПК высоко оценил боевые подразделения вооруженных сил КНДР, совершившие героические подвиги в операции по освобождению районов Курской области РФ] // 조선중앙통신. 28.04.2025. URL: http://www.kcna.kp/kp/article/q/520f9be9dfa8657c0a077ee1f62103543fe15e8dec5c66d60987040649347413 0df 6f48da0041d7915143f39773d8a1fb04d5750c962207f02f50817d5305d12.kcmsf (дата обращения: 19.06.2026). (На кор.)

References

Assman, A. (2014). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika (The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dogovor o vseob"emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Rossijskoj Federatsiej i Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respublikoj [Comprehensive Strategic Partnership Agreement between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea] (2024). Ministerstvo inostrannykh del Rossijskoj Federatsii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (accessed: 21 December, 2025). (In Russian)

Gyeongaehaneun Kim Jongundongjikkeseo uri nara jujae Rossiyaryeonbang daesagwaneul chukhabangmunhashiyeo hasin yeonseol [Respected Comrade Kim Jong Un Pays Congratulatory Visit to Russian Embassy in Pyongyang and Makes Speech] (05.10.2025) Rodong Sinmun. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNS0wNS0xMC0wNDFAMUAxOEBAMEAyNThA== (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Iz Rossii v KNDR otpravilsya pervyj turisticheskij poezd [The First Tourist Train Departed from Russia to the DPRK] (2025). RZhD. URL: https://dvzd.rzd.ru/ru/2205/page/104069?id=314079&ysclid=mjvl8rrtzi423407830 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Joseon Rodongdang jungang gunsawi wiwonhoega Rossiya Yeonbangui Kursk jiyeok haebang jakjeone chamjeonhayeo yeongungjeok wihuneul seun Joseon Minjujuui Inmin Gonghwaguk muryeok jeontu gubundaedeuleul nopi pyeongga [WPK Central Military Commission Highly Praises Combat Sub-units of Armed Forces of DPRK for Performing Heroic Feats in Operations to Liberate Kursk Area of Russian Federation] (2025). KCNA. URL: http://www.kcna.kp/kp/article/q/520f9be9dfa8657c0a077ee1f62103543fe15e8dec5c66d609870406493 474130df6f48da0041d7915143f39 773d8a1fb04d5750c96220 7f02f50817d5305d12.kcmsf (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Kim Chen Yn na 9 Maya prishel v posol'stvo Rossii s korzinoj tsvetov [Kim Jong-un Came to the Russian Embassy with a Basket of Flowers on May 9] (2025). RBK. URL: https://www.rbc.ru/politics/

09/05/2025/681dcbae9a79475d4fb0de87?ysclid=mjwwvoaps1760685843 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Kim Chen Yn provel tseremoniyu zakladki memoriala v chest' podvigov v Kurskoj oblasti [Kim Jong-un Held a Ceremony for the Laying of a Memorial to the Feats in the Kursk Region] (2025). Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7258507?ysclid=m8b8d5eovk164377832 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Malinova, O. Yu. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The Politics of Memory as a Field of Symbolic Politics]. Metod, 9: 285—312. (In Russian)

Poezd Pobedy v KNDR [Victory Train to the DPRK] (2025). General'noe konsul'stvo Rossijskoj Federatsii v Chkhondzhine. URL: https://chondjin.mid.ru/ru/general-consulate/press-centre/news/poezd_pobedy_v_kndr/ (accessed: 22 December, 2025). (In Russian)

Poyavilos' video s voinami KNDR, poyushchimi "Katyushu" [Video Appeared of DPRK Soldiers Singing "Katyusha"] (2025). RG.RU. URL: https://rg.ru/2025/05/01/poiavilos-video-s-voinami-kndr-poiushchimi-katiushu.html?ysclid=mjvleizy5831551395 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Rossiya Daesagwan seongwondeul gakjie inneun Ssoryeongun ginyeombideure kkotsongi jinjeong [Russian Embassy Members Visit Monuments to Soviet Army in Different Parts of DPRK] (2025). KCNA. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/64e900f5bd0353837ca 02d7babcce3adb3ba96d1617baa6a8b5227b8a58c0f696a47505ba 5268fd7749c0fe11e4b24b4.kcmsf (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Sabancheev, R. Yu. (2018). Kontseptsiya "mest pamyati" P'era Nora kak sposob istoricheskoj rekonstruktsii [Pierre Nora's Concept of "Places of Memory" as a Method of Historical Reconstruction]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1(43): 33—38. (In Russian)

Sevast'yanova, Ya. V.; Efremenko, D. V. (2020). Sek'yuritizatsiya pamyati i dilemma mnemoniceskoj bezopasnosti [Securitization of Memory and the Dilemma of Mnemonic Security]. Politicheskaya nauka, 2: 66—86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03. (In Russian)

V Kurskoj oblasti poyavitsya pamyatnik voennym iz KNDR [A Monument to Servicemen from the DPRK Will Appear in Kursk Region] (2025). RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20251210/pamyatnik-2060997691.html?ysclid=mjvlgff0un748548717 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Wendt, A. (1992). Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. International Organization, 46(2): 391—425.

Zavershena operatsiya po osvobozhdeniyu Kurskoj oblasti ot VSU [The Operation to Liberate Kursk Region from the AFU Has Been Completed] (2025). Interfax. URL: https://www.interfax.ru/russia/1022900 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Zhiteli Primor'ya i eshche 21 regiona Rossii proshli marshem druzhby v KNDR [Residents of Primorye and 21 Other Russian Regions Held a Friendship March in the DPRK] (2025). Pravitel'stvo Primorskogo kraya. URL: https://primorsky.ru/news/310803/?ysclid=mjvlbnxcvv343694467 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Поступила в редакцию: 07.02.2026 Принята к публикации: 10.04.2026
Received: 07.02.2026 Accepted: 10.04.2026